

Метаморфозы языкового пространства в постсоветской России

Панищев А.Л.

Россия, Курский государственный университет.

...Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что Слово это – Бог.

Мы ему поставили пределом
Скудные пределы естества.
И, как пчелы в улье опустелом,
Дурно пахнут мертвые слова.

Н. Гумилёв.

Одной из отличительных черт гуманитарного знания XX столетия исследователи называют поиск эффективных способов самовыражения личности. Заметим, что произведения искусства первой половины XX века также не настаивали на принятии определённого мировоззрения, а предлагали взглянуть на ту или иную сторону общественного бытия через призму личностного мировосприятия. В результате поисков средств самовыражения личности именно язык стал одним из механизмов её самоопределения в социокультурном пространстве. Ещё начиная с первой четверти XX столетия, развитие языка как способа самовыражения личности сопровождалось в России некоторыми преобразованиями, которые проявились прежде всего в изменениях смысловой нагрузки ряда слов. Но насколько хороши были эти изменения? Какие новые возможности в связи с этим появились у человека? Может быть, новые смыслы слов только ограничили познание мира человеком, поставили какие-то определённые рамки возможностям человеческого духа? Эти вопросы и станут основным предметом рассмотрения в данной работе.

Длительное время многие слова в русском языке были семантически достаточно устойчивыми. Например, под словом *закон* долгое время подразумевалось в основном следование принципам Священного Писания и соблюдение норм общественной морали. Тем не менее в процессе секуляризации закон стал трактоваться в первую очередь как утверждение ответственности человека перед государством и, более того, понятие "долг" стало употребляться не столько по отношению к человеку, сколько по отношению к государству. В принципе вся советская модель общественного развития была основана на идее обязанности и долга человека перед страной, где личность как ценность отходила на второстепенный план.

В конце XX века крушение СССР означало не только смену одного государственного строя другим; одной из важных причин развала СССР стало падение престижа государства. К сожалению, восстановить авторитет государства, в том числе в лице его отдельных представителей, до необходимого уровня не удалось. Кстати, само же понятие "авторитет" нередко стало обозначать в определённых кругах общества не человека, пользующегося уважением в силу его духовно-интеллектуальных качеств, а индивидуума, который имеет зримую или незримую власть над людьми, основанную, как

правило, на насилии и страхе. Здесь имеет место корреляция между семантикой слова и тем объектом, который это слово обозначает. Трансформация восприятия объекта ведёт к изменению смысловой нагрузки слова, которым ранее он обозначался. Тем не менее смена семантики слова отнюдь не ведёт к гибели его старого значения; оно остаётся, и, кроме того, наличие различных смыслов у одного и того же слова позволяет использовать его более гибко, что подчас характеризует человека, наделяющего слово определённым смыслом. "Язык... свидетельствует о вкусе человека, о его отношении к окружающему миру, к самому себе" (Лихачёв Д. С. "Как говорить" // Письма о добром и прекрасном. - М., 1989.- С. 77). Так, для людей, сохранивших в себе уважение к личности, порядочность и благородство, слово *авторитет* у них ассоциируется с умным, высоконравственным человеком, и, услышав это слово в нейтральной среде, они подумают именно о такой личности. Однако для индивидуума, которого так или иначе коснулась деструкция базовых ценностей общества, понятие "авторитет" отождествляется с представителем криминального мира. Само по себе слово подчас может как иметь, так и не иметь нравственную нагрузку, но в субъективном восприятии человека, привыкшего мыслить внеморальными ассоциациями, оно приобретает отрицательные коннотативные смыслы. "Если человек взирает на объективно значимые предметы, а воспринимает пошлые содержания, то это коренится в субъективных недостатках его воспринимающей души и её актов", - писал Иван Ильин (Ильин И. Аксиомы религиозного опыта.- М., 2002. - С. 299). Человек, привыкший мыслить негативными значениями и придавать словам отрицательные смыслы, сам незримо для себя принимает их как органичные составляющие своего сознания. Вспоминаются священные строки: "Всякий, делающий грех, есть раб греха" (Евангелие от Иоанна, 8 : 34). В данном случае язык, отражая внутрисоциальный раскол по нравственно-культурному признаку, служит механизмом самоидентификации определённой субкультуры. Так, московский специалист по языкознанию С.Г. Тер-Минасова пишет: "Разрыв между культурами, их конфликт возможен не только в виде столкновений родной и чужой культур, но и внутри своей, родной культуры, когда изменения в жизни общества достигают такого уровня, что следующие поколения уже не помнят, не знают, не понимают культуры и мироощущения своих предков" (Тер-Минасова С.Г.. Язык и межкультурная коммуникация. - М.: Слово, 2000. - С. 89). К сожалению, современная социокультурная ситуация в России свидетельствует не только о разрыве русского народа с традициями (по принципу Гераклита "панта рей" - "всё течёт" - это вполне естественно), но и говорит об общем упадке нравственных устоев. В настоящее время Россия представляет собой государство, объединившее целый ряд разных отчуждённых друг от друга, в том числе по лексическому принципу, языковых сред.

При рассмотрении одной особенно важной социальной проблемы XXI столетия - роста ничем не обоснованной агрессии в мире - очень важно осознать роль слов в разобщении человечества. И по-прежнему актуально высказывание русского философа-мистика Н.А. Бердяева: "Пустые, утерьявшие реальный смысл слова не подпускают людей друг к другу" (Бердяев Н. Философия свободы. - М.: АСТ, Харьков: Фолио, 2002. - С. 96). Воспринимаемая как необходимая для научного знания и выбора жизненных ориентиров сама попытка при помощи лексики дать рациональное объяснение таким понятиям, как "доброта", "порядочность", свидетельствует о значительном упадке

нравственности в обществе, о глубокой отчужденности людей. Н.А. Бердяев заметил: "Когда я говорю с братом по духу, у которого есть та же вера, что и у меня, мы не уславливаемся о смысле слов и не разделены словами, для нас слова наполнены тем же реальным содержанием и смыслом, в наших словах живёт Логос" (Бердяев Н. Там же).

Однако на фоне социального расслоения в российском обществе происходит другой немаловажный процесс, в ходе осуществления которого язык играет заметную роль. Речь идёт о том, что в России механизмы национальной идентификации сменяются государственными. Самоопределение русского человека по принципу гражданства, а не по национальности обращает русский народ к цивилизационному развитию, лишая при этом его исконно культурной основы, которая, как полагал Н.А. Бердяев, обращается к своему прошлому. Так, сегодня приходится констатировать факт, что понятие "русский" в России стало вытесняться понятием "россиянин", которое, согласно точке зрения Е.П. Чельшева, носит не этнокультурный, а административно-территориальный характер (Чельшев Е.П. Современная культура России: проблемы развития // Москва, 1996, №1). Инкорпорация в сознание русских людей термина "россиянин" в ущерб термину "русский" подрывает основы русской культуры, поскольку вся государственность русского народа на протяжении нескольких столетий основывалась не на принципах социального устройства, а на религиозных представлениях, в частности, о посясторонних и потусторонних мирах. Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн заметил: "Стыдно сказать - официальные лица даже произносят слово "русский" в своих выступлениях стесняются. Всё норовят как-нибудь обойтись: то "российскими" людей назовут, то ещё что-нибудь придумают. Вот и получается, что в эпоху "застоя" был у нас народ "советский", сейчас - "российский", а русского как не было, так и нет..." (Митрополит Иоанн. Посох духовный / Советская Россия, 2 ноября, 1999, №128). Кроме того, подчеркнём, что процесс развития государственного сознания, пусть и подчас в ущерб национальному, должен происходить на фоне консолидации общества, желательно вокруг государственных институтов. Однако раскол по культурному признаку, происходящий в российском обществе, только отрывает его от духовных основ, выхолащивает нравственные узы, скрепляющие социальную общность. Под вопросом оказываются основания правового государства, ибо без соблюдения нравственных принципов невозможно достичь совершенства.

Во всех вышеописанных процессах язык играет особую роль и во многом является свидетелем отрыва русского народа от основ своей культуры. Одним из результатов данных процессов стало неоправданное принятие ряда иностранных слов и искажение смысла исконно русских слов. Конечно, смысловая нагрузка первых в языковой среде России меняется, что вполне естественно. Утрату первоначальных значений иноязычных слов языковеды часто связывают с силой русского языка, в котором определенные понятия могут быстро адаптироваться к особенностям ментальности русского народа. В некоторой степени это действительно так. Русский язык обладает значительным познавательным потенциалом, позволяет гибко мыслить, строить рассуждения в виде динамичной системы. Однако трансформация семантики иностранных слов в русской языковой среде может найти и другое объяснение: недостаточно высокий уровень компетентности и духовного развития общества. Приведем только один из множества примеров. "Вавилон" - имя,

обозначающее "мать блудницам и мерзостям земным" (Новый Завет, Откровение Иоанна Богослова, 17 : 5) и название города, погибшего в пропасти бездуховности, - используется для названия коммерческой фирмы... Подобные названия преследуют рекламные цели, а их эффективность для создания широкой известности с целью привлечения потребителей, клиентов достигается благодаря невысокому уровню образованности и нравственности многих людей. Тем не менее сами слова по-прежнему, независимо от того, какую форму они обретают в социальной среде, так или иначе влияют на подсознание человека, и те значения, которые ранее имели эти слова, теперь становятся органичной частью мировоззрения человека и во многом характеризуют уровень его духовной культуры. Н. А. Бердяев, например, полагал, что слова имеют магическую власть над нашей жизнью, "действуют, как самостоятельные силы, независимые от их содержания" (Н.А. Бердяев. Там же, с.455). В сознании многих людей название города "Вавилон" ассоциируется с наиболее ярко выраженным пороком, что свидетельствует о некой метафизической сущности слова, незримо для человека влияющего на его подсознание. И одним из важных показателей нравственного кризиса общества является то, что слово, изначально несущее негативный смысл, стало использоваться для привлечения людей. В конечном счёте слова, используемые в рекламных, коммерческих целях, нередко становятся пустыми, и вместе с тем они всё более и более влияют на характер мышления и выбор модели поведения человека. Именно "в атмосфере несвободы процветают пустые слова и они неопровержимы", - верно отметил Н.А. Бердяев (Н.А. Бердяев. Там же, с. 460).

Конечно, широкие возможности использования одного и того же понятия в различных контекстах делают психику человека более гибкой, мышление - более творческим, разнообразным, что в значительной мере связано с возможностью осуществления широкого выбора значений используемого слова. Одно и то же слово в разных смысловых значениях может совершенно по-разному повлиять на сознание человека. "Для одних слова - жизнь, реальное действие, для других слова - лишь слова, лишь название, лишь звуки", - замечает Н. Бердяев (Бердяев Н.А. Там же, с.97). У М.Ю. Лермонтова в одном из стихотворений есть такие строки:

Есть слова - объяснить не могу я,	О, поверь мне, холодное слово
Отчего у них власть надо мной;	Уста оскверняет мои,
Их услышав, опять оживу я,	Как листки у цветка молодого
Но от них не воскреснет другой.	Ядовитое жало змеи!

Таким образом, мы видим, что язык выступает существенным фактором, оказывающим значительное воздействие на ментальность человека. Тем не менее особенности его психики предоставляют нам ряд случаев, когда даже убеждения нуждаются в проверке и в доказательстве их правильности. Почему это так? К сожалению, большинство людей не знают о степени влияния "засорённого" языка на их психику. Общество провозглашает высокие цели и идеалы высокой нравственности, к которым надо стремиться, требует больших, подчас революционных духовных перемен. При этом язык понимается, как правило, только как инструмент общения, который не определяет сути человеческого бытия, содержания его духовного мира. Человек не может сохранить чистоту своих мыслей, красоту своего внутреннего мира, высокую духовность, если в его индивидуальный лексикон проникают "грязные" слова.

Подчас слова, используемые индивидуумом, не только отражают его нравственный облик, но и определяют степень его духовного развития, а значения, которые несут в себе слова, становятся органичной частью его мышления. П. Флоренский писал: "Слово, порождение всего нашего существа в целостности, есть действительно отображение человека... А чрез меня слово отображает и несёт с собой влияния, стекшиеся в меня от тех, кто образовал мою личность..." (Флоренский П. Там же, с. 262). Заметим, что индивиду всегда было сложно осознать необходимость работы над своим духовным и, соответственно, нравственным обликом. На это указывали в средние века Августин Блаженный, Ансельм Кентерберийский, Фома Аквинский, в новое время – Кант, посвятивший ряд работ исследованию этики, нравственности, анализируя эти категории с позиций рационализма. Мы также обратим внимание на то, что человек редко задаёт себе вопрос о природе порока прежде, чем оказаться втянутым в безнравственный образ жизни. Однако для того, чтобы начать или продолжить своё нравственное восхождение, человек ищет рациональные обоснования этим стремлениям.

Язык... Не выполняет ли он зачастую функцию того библейского змия, который предложил Адаму познать запретный плод, поставив под сомнение всё Божественное мироздание?... Доказательность при помощи слов - вот что стало главной ориентацией современного общества и одного из его социальных институтов - науки. Н.А. Бердяев отмечает: "Откуда известно, что истина всегда может быть доказана, а ложь всегда может быть опровергнута? Возможно, что ложь гораздо доказательней истины. Доказательность есть один из соблазнов, которым мы ограждены от истины" (Бердяев Н.А. Там же, с. 97). В введении книги "Вопросы жизни и смерти" ("Matters of life and death". New Introductory Essays. Edited by Tom Regan, 1986, New York: Mc Graw-Hill, Inc, p. 17-19) справедливо отмечено, что рационально доказать и обосновать можно даже бесцельное, жестокое убийство, однако наши моральные убеждения всё равно видят в зле зло, а в добре - добро. Авторы данной книги фактически обратились к априорным знаниям И. Канта, которые всегда, как бы ни было построено предложение, каким бы ни было гармоничным созвучие слов, сохраняют в человеке понятия о морали и нравственности. С помощью логических рассуждений достаточно сложно отразить внутреннюю сущность исследуемого объекта. Е.Г. Эткинд, анализируя одно из стихотворений М.Ю. Лермонтова, достаточно точно сравнил слово с материей, "а материя не может передать духовной жизни, надо осуществить какой-то перевод, а перевода не может быть, нельзя перевести духовное на материальное" (Эткинд Э. Г. Мысль и слово в поэзии и прозе // Slavic almanach. Volume 6 / Number 9, 2000, UNISA, p 19). Кстати, иногда молчанием можно передать то, что словом передать затруднительно. Слово зачастую рационально обосновано; оно целесообразно в силу того, что человек, использующий слово, служащий источником слова, сам стремится быть рационалистичным и всё логически объяснить. Сама рациональность слова привязана к определённым особенностям сознания человека, которое стремится разумно отражать мир разными способами, например, с помощью слов. Человеку свойственно рационализировать при попытке осмысления явлений мира и принимать, как правило, те объяснения, которые коррелируют с логикой.

Заметим однако, что в сознании безнравственного человека даже слова, выражающие духовные, нравственные переживания личности, отражаются в их искажённом значении. В результате человек не может достичь совершенства,

поскольку слова, используемые им, не позволяют ему мыслить о совершенном. Любой идеал в устах бездуховного человека становится банальным, осмеянным или даже осквернённым. В России, где русская литература и философия создавали идеал Богочеловека, язык был востребован через необходимость передачи внутреннего содержания этого идеала, а по сути через ретрансляцию духовного опыта человека, поиска пути раскрытия личностной религиозно-духовной практики, в том числе посредством языка. П. Флоренский прав, полагая, что язык связывает духовного человека с внешней средой. Однако в современной России необходимость в том «могучем языке», о котором говорил И. Тургенев, перестала ощущаться в прежней мере значительной частью населения, поскольку у неё нет того духовного содержания, которое соответствовало бы потенциалу великого языка. Возможности русского языка оказались недостаточно востребованными современным обществом. В сегодняшней России интенсивно и плодотворно развивается лингвистика, филология, но это развитие происходит преимущественно на основе исследования того культурно-философского опыта, который оставили нам такие писатели, как Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, И.А. Бунин, А.П. Платонов, В.Г. Короленко... В постсоветской же литературе в России важная основа русской культуры - антропоцентризм - в значительной степени оказалась размытой.

Итак, мы видим, насколько сильно контекстуальные смыслы влияют на сознание человека. Слова с нравственными значениями могут открыть дорогу к познанию самых сокровенных глубин Божественного бытия, основ всего мироздания; но в то же время те же слова, только с иными контекстами, противоречащими принципам морали, могут ввергнуть человека в пучину порока, уничтожить его как личность, как "храм Божий" (1-ое послание коринфянам, 3 : 17). Выбор смысла слов остаётся за человеком.

Панищев А.Л. Метаморфозы языкового пространства в постсоветской России // Вопросы лингвистики и лингводидактики, под ред. Ежи Калишана (pod red. Jerzego Kaliszana), Познань, 2004. С. 97-104.

Аннотация.

Данная работа посвящена проблеме трансформации восприятия смыслов слов в языковом пространстве постсоветской России. Основные аспекты статьи касаются проблемы расслоения русского общества по социальному культурно-нравственному признакам. Данный процесс отражается в используемом языке и в тех смыслах, которыми наделяются слова в различных социальных кругах. Кроме того, автор указывает на то, что потенциал русского языка в современном российском обществе зачастую оказывается невостребованным, поэтому язык теряет свои познавательные возможности и часто не может передать сути тех идеалов, которые были представлены в русской религиозной философии и литературе второй половины XIX - первой половины XX столетий. Однако в статье указывается на складывающиеся тенденции к яркому самовыражению личности на языковой основе за счёт того, что человек для определённого слова может выбрать собственные значения и смыслы.

SUMMARY

The article is devoted to the problem of the transformation of word meaning comprehension in the language of the Post-Soviet Russia. The main points of the article touch the problem of the cultural and moral split of the Russian society, which reveals itself in the language and the meanings of the words preferred in different social groups. Besides, the author emphasizes that the modern Russian society does not fully appreciate the potential of the Russian language, that is why the language loses its epistemological means and often fails to convey the ideals of the Russian religious philosophy and literature of the late XIX-early XX-th century. The article points out the language-based tendency that leads to the human vivid self-actualization by preferring the word meanings, which correspond to the person's outlook.